

Сценарий литературной композиции, посвящённой творчеству Н.В. Гоголя,

«Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья»

Форма: литературно-театрализованная композиция.

Цель проведения: содействие эстетическому воспитанию школьников;

расширение знаний деталей биографии и этапов творчества Н.В. Гоголя.

Театрализованный характер мероприятия способствует развитию мышления, памяти, воображения.

Возраст: обучающиеся 7-9 классов

Количество участников: 18.

Действующие лица:

Критик /голос за кадром

Гоголевед 1

Гоголевед 2

А.Пушкин

Н.Гоголь

Чтец 1

Чтец2

Чтец 3

Вакула

Оксана

Городничий, Антон Антонович

Попечитель богоугодных заведений, Артемий Филиппович

Смотритель училищ, Лука Лукич

Судья, Аммос Федорович

Частный пристав, Степан Ильич

Лекарь, Христиан Иванович

Два квартальных

Место проведения: актовый зал школы.

Оборудование: микрофоны, музыкальная аппаратура, портрет писателя, экран, проектор.

Реквизит:

Сценка1, «Ночь перед Рождеством»: костюмы для Вакулы и Оксаны, зеркальце.

Сценка2, стол, 8 стульев, самовар, 8 бокалов и чайных блюд

костюм времён А.Пушкина и Н.Гоголя.

Этапы подготовки и проведения:

а) Подготовительный этап:

- работа над сценарием, отбор биографического и художественного материала;
- отбор участников для подготовки и проведения;
- сбор участников и постановка перед ними задач;
- распределение ролей;
- назначение ответственного за аппаратуру и музыкальное сопровождение;
- назначение ответственного за оформление мероприятия;
- индивидуальная работа с участниками;
- репетиции (по плану);
- подготовка актового зала (объявления, работа с классными руководителями);
- генеральная репетиция;

б) Проведение мероприятия:

- вступительное слово учителя литературы;
- основная часть;
- заключительная часть – представление участников, благодарственное слово всем присутствующим;

Сценарий литературно-театрализованной композиции

На экране портрет Гоголя, свет приглушён, звучит музыка.

Голос за кадром:

"И веря, и не веря вновь

Мечте высокого признанья.

Он проповедует любовь

Враждебным словом отрицанья."

Критик: Так написал о Николае Васильевиче Гоголе Николай Алексеевич

Некрасов. Горячо защищал Гоголь идеал писателя, любящего всё человечество,

писателя, дерзнувшего во имя этой любви вызвать наружу всю страшную тину мелочей и выставить их на всенародные очи.

Сценка. «Ночь перед Рождеством» (Вакула и Оксана)

Стоит Оксана, принарядившаяся перед столиком и ручным зеркальцем.

Оксана. Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? Лгут люди, я совсем не хороша! Разве чёрные брови и очи мои так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом носе, и в щеках, и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух, их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! *(Отодвигает несколько от себя зеркало, вскрикивает.)* Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо!

Тихо входит Вакула.

Вакула. Чудная девка! И хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится и ещё хвалит себя вслух.

Оксана *(обернувшись, увидела кузнеца и вскрикнула)*. Зачем ты пришёл сюда? Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою?

Вакула. Не сердись на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

Оксана. Кто же тебе запрещает? Говори и гляди. *(Садится на лавку)*.

Вакула. Позволь и мне сесть возле тебя?

Оксана *(оттолкнув его)*. Поди прочь! Ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал своею сажею. *(Отходит от него и снова охорашивается перед зеркалом.)* Правда ли, что твоя мать ведьма?

Вакула. Что мне до матери? Ты у меня и мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете!

Оксана. Видишь, какой ты!.. Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Мне становится скучно!

Вакула. Так тебе весело с ними?

Оксана. Да уж веселее, чем с тобою. А! Кто-то стукнул. Верно, дивчата. *(Ушла)*.

Вакула *(один)*. Чего мне больше ждать? Она издевается надо мною. Ей я не так дорог, как перержавевшая подкова.

Диалог А. Пушкина и Н. Гоголя.

На сцену выходят импровизированные А.Пушкин и Н.Гоголь

Пушкин: Сейчас прочёл "Вечера близ Диканьки". Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился.

Гоголь: Я тронут вашей оценкой моего сборника. Огромное спасибо Вам за идею написать его. Я, право, польщён Вашей похвалой.

На экране презентация (фотографии семьи, дома Гоголя)

Гоголевед1: Родился Николай Васильевич в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье помещика. Назвали Николаем в честь чудотворной иконы святого Николая Угодника.). Отец писателя, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, служил при Малороссийском почтамте. Женился на Марии Ивановне Косяровской. По преданию, она была первой красавицей на Полтавщине. Замуж за Василия Афанасьевича она вышла четырнадцати лет. В семье, помимо Николая, было еще пятеро детей.

Гоголевед2: Детские годы Гоголь провел в имении родителей Васильевке (другое название — Яновщина). В 1818-19 Гоголь вместе с братом Иваном обучался в Полтавском уездном училище, а затем, в 1820-1821, брал уроки у полтавского учителя Гавриила Сорочинского, проживая у него на квартире. В мае 1821 поступил в гимназию высших наук в Нежине. Здесь он занимается живописью, участвует в спектаклях — как художник-декоратор и как актер, причем с особым успехом исполняет комические роли. Пробует себя и в различных литературных жанрах (пишет элегические стихотворения, трагедии, историческую поэму, повесть). Тогда же пишет сатиру “Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан” (не сохранилась). Однако мысль о писательстве еще “не всходила на ум” Гоголю, все его устремления связаны со “службой государственной”, он мечтает о юридической карьере. Окончив гимназию в 1828 г., Гоголь в декабре вместе с другим выпускником А. С. Данилевским, едет в Петербург. Испытывая денежные затруднения, безуспешно хлопоча о месте,

Гоголь делает первые литературные пробы: в начале 1829 г. появляется стихотворение “Италия”, а весной того же года под псевдонимом “В. Алов” Гоголь печатает “идиллию в картинах” “Ганц Кюхельgarten”, которую впоследствии в порыве уничтожает.

Чтец1:

Италия — роскошная страна!	Здесь низок мир холодной суеты,
По ней душа и стонет, и тоскует.	Здесь гордый ум с природы глаз не сводит;
Она вся рай, вся радости полна,	И радужней в сияньи красоты,
И в ней любовь роскошная веснует.	И жарче, и ясней по небу солнце ходит.
И всю страну объемлет вдохновенье;	И чудный шум и чудные мечты
На всем печать протекшего лежит;	Здесь море вдруг спокойное наводит;
И путник зреть великое творенье,	В нем облаков мелькает резвый ход,
Сам пламенный, из снежных стран спешит;	Зеленый лес и синий неба свод.
Душа кипит, и весь он — умиление,	
В очах слеза невольная дрожит;	
Он, погружен в мечтательную думу,	
Внимает дел давно минувших шуму.	

Критик: В конце 1829 г. ему удается определиться на службу в департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. С апреля 1830 до марта 1831 г. служит в департаменте уделов (вначале писцом, потом помощником столоначальника). Пребывание в канцеляриях вызвало у Гоголя глубокое разочарование в “службе государственной”, но зато снабдило богатым материалом для будущих произведений, запечатлевших чиновничий быт и функционирование государственной машины. Осенью 1835 г. он принимается за написание “Ревизора», работа продвигалась столь успешно, что 18 января 1836 г. он читает комедию на вечере у Жуковского (в присутствии Пушкина, П. А. Вяземского), а в феврале-марте уже занят ее постановкой на сцене Александрийского театра. Премьера пьесы состоялась 19 апреля. 25 мая — премьера в Москве, в Малом театре.

Сценка из «Ревизора»

Действующие лица:

Городничий, Антон Антонович

Попечитель богоугодных заведений, Артемий Филиппович

Смотритель училищ, Лука Лукич

Судья, Аммос Федорович

Частный пристав, Степан Ильич

Лекарь, Христиан Иванович

Два квартальных

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали - и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: "Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*) ... и уведомить тебя". А! Вот: "Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки..." (*остановясь*), ну, здесь свои ... "то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не

приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я ..." Ну, тут уж пошли дела семейные: "... сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке..." - и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздыхнув.)* До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую я вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения - и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, - всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой

крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и \лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, - лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву и-и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там, в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, - это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам - рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим - все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, - это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает, что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова - это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах - еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: "Как хотите, для науки я жизни не пощажу".

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, - инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: "А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?" - "Ляпкин-Тяпкин". - "А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?" - "Земляника". "А подать сюда Землянику!" Вот что худо!

На сцену выходят Пушкин и Гоголь.

Пушкин: Ваш "Ревизор", Николай Васильевич, наделал много шуму в обеих столицах.

Гоголь: Да, уж...

Пушкин: Говорят на премьере присутствовал сам император.

Гоголь: И что же его высочество?

Пушкин: Николай I был очень изумлён увиденным, а после спектакля сказал: "Всем досталось, а мне более всех".

Гоголь: Жаль, менее всего хотел огорчить его императорское высочество...

Гоголевед1: В сентябре 1839 г. Гоголь приезжает в Москву и приступает к чтению глав “Мертвых душ” — вначале в доме Аксаковых, потом, после переезда в октябре в Петербург, у Жуковского, у Прокоповича в присутствии своих старых друзей. Всего прочитано 6 глав. Восторг был всеобщий. В мае 1842 г.

“Похождения Чичикова, или Мертвые души” вышли в свет.

После первых, кратких, но весьма похвальных отзывов инициативу перехватили хулители Гоголя, обвинявшие его в карикатурности, фарсе и клевете на действительность. Вся эта полемика проходила в отсутствие Гоголя, выехавшего в июне 1842 за границу.

Гоголевед2: «Сочинения Николая Гоголя» в четырех томах вышли в начале 1843 г., так как цензура приостановила на месяц уже отпечатанные два тома.

Трехлетие (1842-1845), последовавшее после отъезда писателя за границу — период напряженной и трудной работы над 2-м томом «Мертвых душ».

В начале 1845 г. у Гоголя появляются признаки душевного кризиса. Писатель едет для отдыха и “восстановления сил” в Париж. Начинается полоса лечения и консультаций с различными медицинскими знаменитостями. В конце июня или в начале июля 1845 г., в состоянии резкого обострения болезни, Гоголь сжигает рукопись 2-го тома. Впоследствии Гоголь объяснил этот шаг тем, что в книге недостаточно ясно были показаны “пути и дороги” к идеалу.

Фрагмент из к/ф «Тарас Бульба» (фрагмент «Слово о товариществе»)

Гоголевед1: В середине октября Гоголь живет в Москве. В 1849-1850 он читает отдельные главы 2-го тома “Мертвых душ” своим друзьям. Всеобщее одобрение и восторг воодушевляют писателя, который работает теперь с удвоенной энергией. Весною 1850 Гоголь предпринимает первую и последнюю попытку устроить свою семейную жизнь — делает предложение А. М. Виельгорской, но получает отказ.

Чтец2: «Тиха украинская ночь»

Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звезды блещут.

Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух. Чуть трепещут

Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замке шопот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленьи,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Гоголевед1: 1 января 1852 г. Гоголь сообщает Арнольди, что 2-й том “совершенно окончен”. Но в последних числах месяца явственно обнаружались признаки нового кризиса, толчком к которому послужила смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова, человека, духовно близкого Гоголю. Его терзает предчувствие близкой смерти, усугубляемое вновь усилившимися сомнениями в благотворности своего писательского поприща и в успехе осуществляемого труда. 7 февраля Гоголь исповедуется и причащается, а в ночь с 11 на 12 сжигает беловую рукопись 2-го тома (сохранилось в неполном виде лишь 5 глав, относящихся к различным черновым редакциям; опубликованы в 1855 г.).

Гоголевед2: 21 февраля утром Гоголь умер в своей последней квартире в доме Талызина в Москве. Похороны писателя состоялись при огромном стечении народа на кладбище Свято-Данилова монастыря, а в 1931 останки Гоголя были перезахоронены на Новодевичьем кладбище.

Чтец 3: отрывок «Русь-тройка», на экране заставка «степь и дорога».

-Эх, тройка, птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай читать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный наряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в Немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и

сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства”.

Финал.

Критик: Творчество Гоголя знаменует собой величайшую после Пушкина веху в развитии русской литературы. Критический, обличительный характер гоголевского реализма был выражением ее идейной зрелости и способности ставить главные, коренные вопросы общественной жизни России.

Гоголевед1: Белинский справедливо подметил: к таланту Гоголя «никто не был равнодушен: его или любили восторженно, или ненавидели».

Поклон.